

И. МАРВАН

К ВОПРОСУ О ЛИНГВО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Я хотел бы обратить внимание на вопросы, исследуемые проф. Фалкенханом, касающиеся балтославянских отношений в более широком лингвистическом ареале¹. Эти вопросы, затронутые уже проф. Кипарским², исключительно важны; достаточно только напомнить, сколько напрасного труда стоит игнорирование такого ареала.

Если мы однако рассматриваем, например, праславянскую монофтонгизацию (при отсутствии этого процесса в балтийском), то не следует забывать, что мы имеем дело с более общим „внутренним“ законом открытого слога (ЗОС), который впрочем действует в других случаях, указанных докладчиком. Сюда же относятся изменение $tj, dj > \check{c}, \acute{c}, c \dots, \check{z}, \acute{z}, z \dots$ и палатализации заднеязычных, являющиеся лишь частью общего процесса аффрикатизации всех рядов взрывных шумных, в т. ч. и губных ($bj \dots \gg bl' \dots$). Уместно подчеркнуть, что окончания в формах типа сх. *rozumem*, чеш. *rozumím* и тп. вполне обусловлены системным развитием, т. е. контракцией, связанной в свою очередь именно с ЗОС.

Итак нельзя не выразить вновь требование пропорционального исследования внутренних и внешних факторов развития. При этом нельзя ни в коем случае отходить от принципа приоритета системных критериев. С другой стороны, однако следует отметить, что хотя нам удалось благодаря системным принципам открыть ЗОС, то вряд ли нам удастся этим же путем вскрыть его причины. Именно в такой момент могут внешние критерии оказаться плодотворными.

¹ V. Falkenhahn, Die sprachgeographische Lage der balto-slavischen Sprachen, Zeitschrift für Slawistik, XIII (1968), Heft 2, 227–235 и его же Лингво-географическое положение балтийско-славянских языков как причина их особенностей, VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968, resumé přednášek, příspěvků a sdělení, Academia Praha 1968, 120.

² V. Kiparsky, Neue Aussichten der Baltisch-slavischen Etymologie, VI. mezinárodní... 85.

Чтобы развить эту мысль, позвольте привести один пример. Хорошо известна балто-славянская конструкция (или пучок конструкций)

- I. $V_{dic} [N Part]_4 \rightarrow$
- II. $V_{dic} [Pron_{refl} Part]_4 \rightarrow$
- III. $(V Pron_{refl} \Rightarrow) V_{dic refl} Part_1,$

где V_{dic} ... Verbum dicendi, sentiendi, sciendi... $Part_4$, $Part_1$ ... Participium in accusativo, resp. nominativo, $Pron_{refl}$ ... Pronomen reflexivum,

напр.,

балт. (лит.)

слав. (ссл., дч.)

- I. *mato tēva negalintī* „видит отца, что не может“ *slyšite gospodь glagolQšть*
- II. *mato save negalintī* „видит себя, что не может“ ...
- III. *matosi negališ* „видится неспособным“ = *vida sě nemoħa*

Спрашивается: почему именно только в (восточно-)балтийских языках возникает на основе конструкции III т. наз. пересказочное наклонение (*modus relativus*), например, лит. *jis žinaš*, лтш. *viņš zinot* „он, мол, знает“, лит. *tēvas ateinaš*, лтш. *tēvs atnākot* „отец, мол, приходит“. Для такой эманципации второй предикации существуют образцы в эстонском косвенном наклонении (*modus obliquus*), ср. *isa tulevat* „отец, мол, приходит, придет“, где *tulevat* — партитивная форма причастия наст. вр. На такое соответствие указывает Пизани³. Исходной конструкцией для косвенного наклонения является оборот *sanoo isān tulevan* = лит. *sako tēva ateinantī* „говорит, что отец приходит“, где наблюдается (если отождествить объектный партитив с лит. аккумулятивом) полное соответствие. Однако конструкции II соответствует оборот *sanoo tulevansa*, где имеется не возвратное местоимение, а притяжательный суффикс *-sa* у причастия, сохраняющего партитивную форму. Несмотря на функциональное сходство, эстонское косвенное наклонение отличается от балтийского пересказочного наклонения в диахронном и синхронном (партитивная форма причастия) отношениях. Системные условия оказываются исходными, адстратные вторичными, модифицирующими. Однако ни один критерий, взятый сам по себе, будь генеалогический, внутренний (Эндзелин⁴ и др.) или адстратный, внешний (Пизани⁵) не может, оказывается, вскрыть сути дела. Я думаю, что основная мысль докладчика о неизбежности привлечения адстратных явлений совершенно справедлива.

³ V. Pisani, Zu einer baltisch-estfinnischen Partizipialkonstruktion, *Rakstu krājums veltījums... Jānim Endzelinam*, Rīgā, 1959, 215–217.

⁴ J. Endzelin, *Lettische Grammatik*, Riga, 1922, 757 сл.

⁵ Op. cit., ср. также Иржи Марван: О некоторых предикативных функциях литовского причастия, *Kalbotyra*, IV, Vilnius, 1962, 33–42, ос. 40.

Отметим однако, что результаты этой работы пока еще не проникли в баллистику и балтославистику. Так например, ни Отрембский, ни Станг в своих кардинальных трудах⁶ не отмечают таких балто-финских соответствий, как наличие системы локальных падежей (в том числе и их агглютинативного оформления) или постепенное исчезновение рода в зависимости от географической близости финских языков. Интересен также вопрос возвратного местоимения в скандинаво-финно-балто-славянском ареале, вопрос дистрибуции аккузатива/генитива (в том числе ген. негации) в балтославянских и аккузатива/партитива в финских языках.

В заключение отметим ряд балто (славяно)-финских соответствий в области числа, а именно соответствия в *plurale tantum*:

	фин.	балт. (лит., лтш.)	слав.
1.	<i>hää́t</i>	<i>vestuvės, kãzas</i>	„свадьба“
2.	<i>hautajaiset</i>	<i>laidotuvės, bẽres</i>	похороны (но укр. похорон, сх. погреб итд.)
3.	<i>lãnget</i>	<i>kamantai, sakas</i>	„хомут“
4.	<i>sakset</i>	<i>žirklės, šķeres</i>	ножницы
5.	<i>ratas</i> sg.	<i>ratas</i> sg. <i>rats</i>	южлс. коло „колесо“
	<i>rãttaat</i>	<i>ratai rati</i>	кола „телега“
6.	<i>vanhempi</i> sg.	<i>vecãks</i> sg.	„старше, старший“
	<i>vanhemmet</i>	<i>vecãki</i>	„родители“

Отметим, что в шведском и немецком языках все соответствующие слова располагают единственным числом. Особенного внимания заслуживает плюрализация заимствований: 3. поль. *chomãt* → лит. *kamantai*, 4. швед. (*en*) *sax* → фин. *sakset*, нем. (*eine*) *Schere* → лтш. *šķeres*, которая свидетельствует о небанальности таких соответствий.

Оказывается не лишним еще раз повторить основное методологическое требование, методологический аксиом: материально исходить из системы (в сравнительном плане из генеалогии), а с адстратными (субстратными) системами считаться как с системами моделирующими.

Praha

⁶ J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego*, III, Nauka o formach, Warszawa, 1956, 3–4, 76–81; Chr. S. Stang, *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*, Oslo–Bergen–Tromsø, 1967, 228–232, 175–176, 179.